

«Черный октябрь» 1993 года в документах и свидетельствах

Члены творческого объединения художников «Русский Пожар» (слева — Геннадий Животов).

«Русский Пожар»

После расстрела Верховного Совета в октябре 1993 года московские художники, очевидцы и участники тех трагических и героических событий, создали творческое объединение «Русский Пожар».

Тогда, после расправ на Пресне, казалось, что общество оцепенело, что культура занималась только своими, сугубо частными, проблемами, а ее носители остались совершенно безразличными к расстрелам и узурпациям. Именно в это сумрачное время художник Геннадий Животов бросил клич: «Кто не сдался, те ко мне!..»

Энтузиасты пообещали друг другу во что бы то ни ста-

ло сделать выставку, посвященную трагическим событиям осени 1993 года. Но где ее расположить? После нескольких неудачных попыток найти выставочные площадки Животов предоставил под выставку свою мастерскую — сводчатый подвал дома на Садовом.

В воскресенье, 9 января 1994 года, при большом стечении гостей подпольная выставка «Русский Пожар» была открыта.

Собравшиеся могли увидеть на полотнах героев трагических осенних дней: отца Виктора, казака Виктора Морозова, молодых ребят, лица которых врезались в память художника...

Заслуженный художник России Геннадий Животов:
«Мы все вышли из тех событий...»

Записала Елена Бойкова

Когда я услышал указ Ельцина 21 сентября, сразу помчался к Дому Советов. У всех, собравшихся на площади перед зданием Верховного Совета, была убежденность в победе, ощущение, что выстоим, что за нами правда, что мы сделаем свое дело.

Постепенно обстановка стала сгущаться. Я ходил туда почти каждый день. Погода была отвратительной: дождь, ветер, какая-то промозглость. Потом здание Верховного Совета заблокировали. Его закрыли, но мы прорывались как-то очень легко, по «тропе Хо Ши Мина». По ней можно было прорваться почему-то, когда оцепление уже было.

Зрелище потрясающее: площадь в огнях, молодежь разжигала костры, пели песни, пожилых людей тоже было много. Я встречал своих коллег-художников, писателей, музыкантов.

Но что меня тогда поражало: было словно два мира. Моя мастерская была рядом, на Садово-Кудринской, и пока я шел к «Белому Дому», по дороге видел ряды киосков, сникерсы, пиво кругом, гуляющую толпу, а тут...

Я помню одну ночь. Жуткий ливень, нас гнали к метро «Улица 1905 года». Меня поразила группа каких-то то ли омонцовцев, то ли еще кого-то, в черном, с палками. Они метались как тени на фоне решеток зоопарка. Я видел взмахи палок, обрушивавшихся на головы людей. Если кто-то из нас пытался вырваться, тут же попадал под удары.

Сцена у меня в голове отпечаталась: памятник революции 1905 года, женщина берет под уздцы лошадь жандарма, замахнувшегося на нее. И вдруг вижу: женщина лежит на пьедестале этого памятника, живой человек лежит, ее бьет омоновец палкой! Живые персонажи переплетаются с историей...

По ночам мы слышали голос Дома Советов. Такое впечатление, что где-то партизанский отряд, сквозь шорох и треск эфира прорывается: «Говорит Дом Советов! Мы решили стоять до конца. «Гейббельс» ездят вокруг: «Сдавайтесь!», а мы не сдадимся...»

И вдруг 3 октября неожиданно такое солнце! Гигантский митинг на Октябрьской площади. Невероятное количество народу, и все устремились вниз, на Крымский мост. Я был там, потом убе-

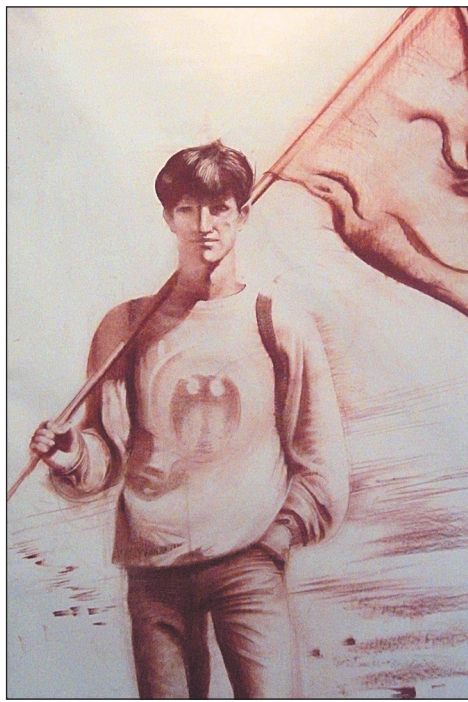

жал в мастерскую, доделывать плакат про Лужкова, который потом повесил у здания Дома Советов. Лужков на плакате, как свинья, стоял голый, он же купался в проруби, моржевал. Это я обыграл, свинтус потрясающий получился!

Потом уже вместе со всеми я ворвался на площадь у Дома Советов. Ликованию не было предела, слышался приказ Руцкого: «Всем на телевидение, брать телевидение!» Толпа стала редеть, все помчались туда. Наша машина сломалась, мы сидели в кузове, там сидели девчонки, мальчишки, совсем дети, лет по 17. Потом мы сошли и остались у Дома Советов. Было смутное чувство тревоги. Вроде победа, но как-то не по себе.

Часа через два от Останкино примчался Саша Дугин, евразиец, с белым лицом. Говорит: «Там такая кровища!»

4 октября хорошо помню. Мы прорываемся от хаммеровского торгового центра. Все перекрыто. Слышен свист пуль. Откуда они, непонятно, даже выстрелов не слышно. Мы идем по переулкам, и вдруг видим: с крыш стаскивают мальчишек. Их перестреляли. Пацаны вместо школы залезли на крыши, а ведь кругом в воздухе носилось: «Снайперы, снайперы!». Омонцы или Таманская дивизия увидели кого-то на крышах и всех перестреляли.

Мы так и не смогли прорваться, «Белый Дом» взяли. На другой день почему-то мы оказались около Дома, 5-го числа, с Васей Прохановым. Трупы лежали там, где переулок, где сейчас по-

минание каждый год проходит. Лежали штабелями трупы. Для чего так они сделали? Потом приехали машины и забрали убитых.

На углу переулочка мы увидели куртки в крови. Мне местные жители рассказывали: парни забор уже перелезали, а им в спину стреляли.

События кончились, было чувство какого-то опустошения, я уехал в деревню, написал «Ангела на крыльце»...

В самом здании Верховного Совета я не бывал. Я свидетель площади и народного стояния. Молчать об этом было невозможно. Я неделю еще приходил в себя, потом кинулся искать возможность все это запечатлеть. Мы еще 5 октября куртку ту, окровавленную, забрали. Взяли все, что могли: куски спиральи Бруно, камни, обломки баррикад...

Рядом Музей революции, им предложили, но там сказали: «Нельзя, ни в коем случае». Все отказывали, тогда мы сделали выставку «Русский Пожар» у меня в подвале, в мастерской. Сделали рисунки, портреты, эскизы. Весь зал был наполнен теми событиями. Множество людей побывало на нашей выставке.

По сути дела, мы все вышли из тех событий...

Автор рисунков — Геннадий Животов.

